

Об одном источнике стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти»

Александр Долинин (Мэдисон)

Вопрос об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти» обычно связывают с двумя вариантами его мистифицирующего заглавия (или, вернее, подзаголовка) — первоначальным «Из Alfred Musse», зачеркнутым в беловом автографе, и окончательным, под которым оно всегда и печатается. Еще академик Розанов в 1930 г.¹, а вслед за ним — совсем недавно — Сергей Давыдов обнаружили в нескольких стихотворениях обоих названных Пушкиным поэтов мотивы личной свободы, противопоставленной политической власти и общественным интересам, и пришли к выводу, что именно эти тексты следует считать источниками «Из Пиндемонти». «Политические рассуждения Мюссе, — резюмирует Давыдов, — отразились главным образом на первой, «отрицающей» части пушкинского стихотворения. Вторая, утверждающая часть, в которой Пушкин обращается к темам счастья, истинной свободы и природы, по духу своему соответствует скорее настроениям спокойной житейской мудрости Пиндемонти»².

Однако, как справедливо заметил Н. В. Измайлов, полемизируя с Розановым, все указанные исследователем параллели — это не более чем общие места поэзии эпохи романтизма, и ни о какой зависимости пушкинского стихотворения — ни в композиции, ни в лексике, ни в интонации, ни в развитии мысли — не может быть и речи³. Едва ли Пушкин вообще знал об итальянском поэте Ипполите Пиндемонти намного больше того, что он прочитал о нем в известной книге Сисмонди «О литературе Южной Европы»:

Кавалер Ипполит Пиндемонти из Вероны, вероятно, первый среди итальянских поэтов, писавший мечтательные и меланхолические стихи. Потеря друга, болезнь, которую он считал смертельной, показали ему ничтожество жизни. Он порвал связь со всем личным и сердце его обратилось к наслаждениям природы, сельской жизни и одиночества ... все его чувства благородны и чисты⁴.

Безусловно, иначе обстояло дело с поэзией Мюссе — по замечанию Б. В. Томашевского, единственного французского поэта, который привлекал внимание Пушкина в 1830-е гг.⁵ и о котором он сочувственно писал в неопубликованной заметке (1830), называя «молодым проказником», «любезным повесой», издавающимся над нравоучением⁶. Но, приписывая Мюссе свою «декларацию независимости», Пушкин, как и в случае с Пиндемонти, отсылал не к каким-то конкретным текстам, а к образу идущего против течения, независимого поэта-одиночки, с кем он мог бы солидаризироваться. Имена Мюссе или Пиндемонти обозначали для него особую литературную и идео-

логическую позицию, которую хорошо описывает его известная похвала Катенину: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу и публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно»⁷.

Введенные в заблуждение подзаголовками пушкинского стихотворения, исследователи, как правило, не предпринимали попыток установить какие-либо иные источники «Из Пиндемонта». Лишь Е. П. Гречаная указала на то, что образ «Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» восходит, по-видимому, к элегии Андре Шенье «O jours de mon printemps, jours couronnés de rose»⁸, а Е. Г. Эткинд предположил, что толчком к созданию стихотворения явилась книга Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке», на которую Пушкин позже откликнулся в статье «Джон Теннер», написанной в сентябре 1836 г.⁹

Гипотезу Е. Г. Эткинда, однако, приходится отвергнуть, так как она вступает в противоречие с известными нам сведениями о том, когда именно Пушкин познакомился с книгой Токвиля. Пушкин купил ее, вместе с еще почти пятью десятками иностранных книг, 2 июля 1836 г.¹⁰, тогда как беловой автограф «Из Пиндемонта» (ПД 236) датирован 5 июля (а, может быть, июня, ибо название месяца написано в автографе очень неясно) того же года. Сохранившийся недатированный черновик (ПД 237) принято относить к тому же числу¹¹, хотя Пушкин вполне мог работать над ним и в предшествующие дни или недели. Во всяком случае, даже к 5 июля он едва ли мог успеть прочесть двухтомный труд Токвиля, поскольку доставка и разбор большой партии новых книг должны были потребовать некоторого времени.

Косвенно это подтверждается и тем, что в тексте стихотворения, вопреки неосторожному утверждению Е. Г. Эткинда, нет ни малейшего намека на американскую демократию. Как явствует из пушкинских саркастических определений прерогатив парламента — «оспоривать налоги» и «мешать царям друг с другом воевать», — речь в первой, «политической» части «Из Пиндемонта» идет не о республиканском строе, а о конституционной монархии, и за этим просматриваются не американские, а западно-европейские политические реалии 1830-х гг. — как Июльская монархия во Франции, где, по слову Пушкина, народ властвовал «со всей отвратительной властью демократии»¹², так и Англия после парламентской реформы 1832 г., уничтожившей старый аристократический парламента — тот «двойственный собор», о котором Пушкин писал в стихотворении «К вельможе» и в котором, судя по всему, он видел единственную разумную форму демократического правления.

В этой связи представляется весьма важным, что политическую, отрицающую часть «Из Пиндемонта» завершает маркированная курсивом и раскрытая в примечании цитата из «Гамлета»: «Все это, видите ль, слова, слова, слова». В ней, как кажется, можно видеть сигнал, указывающий на связь текста именно с английской проблематикой и английскими источниками. Мне уже приходилось писать о том, что отвергая доктрину политических прав и свобод и противопоставляя ей идею «иной, лучшей», то есть

индивидуальной внутренней свободы, Пушкин присоединяется к английской консервативной традиции Берка и его последователей, прежде всего Кольриджа и Вордсворта¹³. Во внимательно прочитанной им книге «Specimen of the Table Talk of the Late Samuel Taylor Coleridge» он должен был обратить внимание на то, как английский поэт противопоставляет свое индивидуальное понимание личного счастья абстрактным идеям Бентама и его последователей о счастье «максимально большого количества людей», обеспечиваемом демократической государственной властью. «О каком счастье идет речь? Вот в чем вопрос [That is the question], — писал Кольридж, так же как Пушкин цитируя «Гамлета». — <...> Я бы скорее предпочел, чтоб меня отпустили с этого пиршества счастья. То, что вы почитаете за счастье, меня бы повергло в отчаяние»¹⁴. Любопытно, что в черновом наброске последний стих «Из Пиндемонти» переключается с этим полемическим пассажем: Пушкин начал его словами: «Вот счастье мое», а затем, насколько можно понять общий смысл плохо читаемой и незаконченной фразы, хотел противопоставить свое понимание «счастья» каким-то иным, враждебным ему представлениям.

С прямым публицистическим выражением подобных представлений Пушкин мог столкнуться в раннем стихотворении другого английского поэта-лейкиста Роберта Саути «Inscription for a Monument at Old Sarum» («Надпись для памятника в Оулд Саруме», 1799), которое прославляло английскую политическую систему за то, что она основана на законе и священном избирательном праве, гарантирующем счастье для всех британских подданных. В принадлежавшем Пушкину экземпляре парижского издания поэтических произведений Саути это малоизвестное стихотворение, впервые напечатанное в газете и не включавшееся в другие прижизненные сборники «поэта-лауреата», помечено на полях большим карандашным крестом¹⁵. Как представляется, данная помета — единственная в огромном томе — означает, что «Надпись для памятника в Оулд Саруме» привлекла внимание Пушкина, и хотя бы поэтому стихотворение Саути заслуживает специального рассмотрения. Приводим его в оригинале и в подстрочном переводе:

Inscription for a Monument at Old Sarum

READER, if thou can'st boast the noble name
Of Englishman, it is enough to know
Thou standest in Old Sarum. But if chance
'Twas thy misfortune in some other land,
Inheritor of slavery, to be born,
Read and be envious. Dost thou see yon hut,
Its old and mossy walls, with many a patch
Spotted? Know, Foreigner! (so wisely well
In England it is ordered, that the laws
Which bind the people from themselves should spring);
Know that the dweller in that little hut,

That wretched hovel, to the Senate sends
Two Delegates; think, Foreigner, when such
An individual's rights, how happy all!

Надпись для памятника в Олд Саруме

Читатель! Если ты можешь похвастаться благородным прозвищем
Англичанина, тебе достаточно знать,
Что ты стоишь в Олд Саруме. Но если судьба решила иначе,
И на твою долю выпал несчастный жребий родиться
В какой-то иной стране, наследнице рабства,
Читай и завидуй. Ты видишь вон ту хижину,
Ее старые, поросшие мхом стены, усеянные пятнами
Заплат? Знай, Чужестранец! (столь разумно и правильно
Устроена жизнь у нас в Англии, что законы,
Которые связывают наш народ, от него же самого и проистекают);
Знай, что хозяин этой тесной хижины,
Этого убогого приюта, посылает в наш Сенат
Двух Делегатов; подумай, Чужестранец, когда таковы
Права одного, сколь счастливы все!

Стихотворение Саути требует некоторых историко-политических пояснений. В Великобритании конца XVIII — начала XIX в. Оулд Сарум был самым знаменитым «гнилым местечком» (rotten borough) или обезлюдившим избирательным округом на месте заброшенного древнего города, который по традиции сохранял право избирать двух членов Палаты Общин. В своей книге путевых очерков об Англии, изданной под именем испанского аристократа Дона Мануела Алвареца Эсприеллы, Саути так описал историю этого чисто английского курьеза:

В половине лиги от Солсбери, на левой стороне Лондонской дороги, находится Оулд Сарум, Сорбиодунум римлян, знаменитый по многим причинам. Когда-то он занимал вершину круглого холма, которая до сей поры обнесена земляным валом и глубоким рвом. При норманских королях это был процветающий город, но его жители страдали от двух зол — от нехватки воды и от притеснений со стороны солдат, охранявших замок. Тогда горожане единодушно решили переселиться оттуда в Новый Сарум, современный Солсбери, где воды с лихвой хватило для того, чтобы избавиться от первого из этих зол; когда же в Оулд Саруме стало некого грабить, то и гарнизон пришлось распустить. Так старинный город был полностью заброшен: в нем не осталось ни души и вообще ничего, кроме права на представительство в парламенте. Семь хозяйств в деревушке к западу от Оулд Сарума посылают в парламент двух своих представителей; четыре из этих хозяйств (дающие большинство при голосовании) недавно были проданы за сумму немногим менее 200 000 песо¹⁶.

После того как Саути в конце 1790-х гг. впервые побывал в знаменитом «гнилом местечке», он набросал в рабочей тетради следующий план

стихотворения: «Для Оулд Сарума. Адресовать чужестранцу. Каковы же должны быть привилегии английских подданных, когда живущий там старый бедняк посылает двух членов в Парламент!» («For Old Sarum. Addressed to a foreigner. What must be the privileges of English subjects, when the old pauper there sends two Members to Parliament!»)¹⁷.

Саути, как видно, несколько не смутил очевидный казус, когда два члена парламента представляют за семерых деревенских жителей, влачащих полунищенское существование; напротив, для него Оулд Сарум — это предмет патриотической гордости великобританца, символ неизбежности английских традиций, установлений и законов, обеспечивающих соблюдение исконных гражданских прав каждого собственника и тем самым счастье всех¹⁸. Хотя Пушкин, вероятно, знал о существовании «гнилых местечек»¹⁹, поскольку они нередко упоминались в русской печати, особенно в связи с парламентской реформой 1832 г., их ликвидировавшей, само название Оулд Сарум едва ли что-нибудь ему говорило. Поэтому он должен был читать стихотворение Саути вне конкретного контекста — прежде всего как декларацию, обращенную «гордым свободой» британцем к чужеземцу, которого черт догадал родиться в иной стране, «наследнице рабства». Подобными формулами в Западной Европе обычно описывали Россию, и Пушкин, вероятно, увидел в «Надписи для памятника в Оулд Саруме» задевшее его назидание «русским варварам» — очередной пример той оскорбительной спеси по отношению к иностранцам, в которой неоднократно обвиняли англичан русские путешественники и журналисты, начиная с Карамзина²⁰.

Как нам представляется, «Из Пиндемонта» было написано как ответ «чужеземца» на эпистолу Саути, чем объясняется диалогическая направленность пушкинского стихотворения (с акцентированными, многократно повторенными личными местоимениями первого лица и вводным «видите ль» в «политической» части), подразумевающего некоего неназванного адресата-оппонента. Фраза «Я не ропщу о том, что отказали боги / Мне в сладкой участи оспоривать налоги» (черн. вар.: «Вовек я не роптал, что не судили Боги / Мне — счастье оспоривать налоги») полемически откликается на сожаления Саути по поводу несчастной судьбы чужеземца, которому не суждено было родиться в свободной Англии, а саркастическая оценка парламентской демократии и зависимости от воли народа — с его восторгами по поводу народного волеизъявления и представительства (so wisely well / In England it is ordered, that the laws / Which bind the people from themselves should spring). Заметим, что в черновых набросках «Из Пиндемонта» связь с «Надписью для памятника...» и его политической тематикой проявляется даже несколько сильнее, чем в окончательной редакции. Так, первый вариант начала стихотворения обрывается на незаконченном стихе «Я не завидую тому кто...», который прямо отвечает на императив Саути, адресованный читателю-чужеземцу: «Read and be envious» («Читай и завидуй»). После стихов о прерогативах парламента Пушкин, по-видимому, намеревался упомянуть имена каких-то иностранных политических деятелей или мыслителей, обозначив их звездочками:

И мало нужды мне что *** иль ***
Иль [Мира?]бо иной...²¹

После слов «...Себе лишь самому / Служить и угождать» в черновике следовало:

...пред силою законной
Не гнуть ни совести, ни силы непреклонной,

что вводило противопоставление личной свободы и совести силе закона, к которой апеллирует Саути.

Наиболее же заметен диалог с «Надписью для памятника...» в концовке «Из Пиндемонти». Пушкинское восклицание «Вот счастье! вот права...» полемически соотносено с занимающим ту же ударную позицию в тексте Саути восклицанием: «when such / An individual's rights, how happy all!». Тот факт, что у обоих поэтов в последнем стихе появляются рядом, по сути дела, одни и те же слова: «права» и «счастье/счастливый», едва ли можно считать случайным совпадением. Пушкин, как кажется, возражает на максиму Саути, подхватывая ключевые для нее понятия, но вкладывая в них противоположный смысл: он отвергает и развенчивает политическую концепцию гражданских прав, обеспечивающих всеобщее благоденствие, а взамен декларирует право художника на полную независимость от любой власти и на свободное эстетическое мирозерцание, которые и делают его счастливым.

Если мое предположение верно, и «Надпись для памятника...» Саути действительно явилась главным источником «Из Пиндемонти», это лишний раз показывает, что, вопреки попыткам ряда исследователей доказать обратное, у четырех пронумерованных стихотворений, написанных Пушкиным в июне—июле 1836 г. на Каменном острове²², не было ни единого тематического задания, ни сквозного — литургического или какого-то иного сюжета. Все они порождены разными, никак не связанными друг с другом источниками и различными, иногда противоречащими друг другу творческими импульсами — религиозным («Отцы-пустынники...»), стилизаторским («Подражание итальянскому»), сатирически-публицистическим («Мирская власть»), полемическим («Из Пиндемонти»). Любопытнейший пример столкновения двух разнонаправленных импульсов дает черновая рукопись «Из Пиндемонти». Написав вариант:

...Себе лишь самому
Служить и угождать... пред силою законной
Не гнуть ни совести, ни воли непреклонной
Перед созданными Искусств и Вдохновенья
Замедливать свой путь,

Пушкин, не закончив стиха, остановился на слове «путь», провел на листе прямую черту и под ней набросал аллегорическую миниатюру в духе «Странника»:

Напрасно я бегу к Сионским высотам
Грех алчный гонится за мною по пятам...

Так ревом яростным пустыню оглашая
 По ребрам бья хвостом и гриву потрясая
 И ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий
 Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Затем он отчеркнул этот набросок и продолжил работу над «Из Пиндемонти» со стихов «По прихоти своей скитаться здесь и там / Дивясь божественным природы красотам», очевидно, подсказанных рифмой «высотам / пятам». Создается впечатление, что этим наброском Пушкин вступил в диалог с самим собой, отразив в предложенном им в «Из Пиндемонти» идеал духовного пути как греховный с точки зрения христианского сознания²³. Тем не менее он дописал «Из Пиндемонти» до конца и аккуратно перебелил его, а к наброску больше не возвращался: из двух вариантов пути — «побега к Сионским высотам» и свободного светского странствия «здесь и там», среди красот природы и созданий искусств, Пушкин явно отдал предпочтение последнему.

Примечания

- 1 Розанов М. Н. Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти» // Пушкин: Сб. второй. М.; Л., 1930. С. 111–142.
- 2 Давыдов С. Последний лирический цикл Пушкина // Русская литература. 1999. № 2. С. 100.
- 3 Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии А. С. Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 35–36, прим. 59.
- 4 Simonde de Sismondi J. C. L. De la Littérature de Midi de l'Europe. 3-ème édition. Paris, 1829. Vol. III. P. 72. Рус. пер. цит. по: Томашевский Б. Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 317–318, прим. 17.
- 5 Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 163.
- 6 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 3-е. М., 1964. Т. 7. С. 209–211. Об этой заметке см.: Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. М., 1998. С. 191–192. К лету 1836 г. Мюссе получил широкую известность не только как поэт, но и как драматург и прозаик, автор только что вышедшего романа «Исповедь сына века». 23 марта 1836 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу, приславшему ему роман из Парижа: «Я в восторге от „L'enfant du siècle“. <...> Альфред Мюссе решительно головою выше в современной фаланге французских литераторов. Познакомься с ним и скажи, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил... <...> Его маленькие драмы dans „La revue de deux mondes“ замечательно хороши. Все это сочное и ядреное» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III: Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899. С. 289–290; с неверной датой). 25 мая Пушкин купил «Исповедь сына века», а 10 июня — «Стихотворения А. Мюссе» (Абрамович С. Пушкин. Последний год. М., 1991. С. 217, 234). Именно растущая известность Мюссе, по-видимому, была причиной того, что Пушкин отказался от использования его имени для мистификации, отдав предпочтение малоизвестному в России Пиндемонти.
- 7 Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 266.
- 8 Гречаная Е. П. Пушкин и А. Шенье (две заметки к теме) // Временник пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 101.

- ⁹ **Эткинд Е. Г.** Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 373.
- ¹⁰ **Абрамович С.** Пушкин. Последний год. С. 257.
- ¹¹ **Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.** (сост.). Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. М.; Л., 1937. С. 92.
- ¹² **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. Т. 7. С. 399.
- ¹³ **Долинин А.** Пушкин и Англия // Эткиндовские чтения I. СПб., 2003. С. 78–82.
- ¹⁴ Specimen of the Table Talk of the Late Samuel Taylor Coleridge. L., 1835. Vol. 1. P. 258–60.
- ¹⁵ The Poetical Works of Robert Southey. Complete in one volume. Paris, 1829. P. 707 (de visu. В описании библиотеки Пушкина Б. Л. Модзалевского (№ 1399) эта помета не указана).
- ¹⁶ [Southey R.] Letters from England by Don Manuel Alvarez Espriella. Translated from the Spanish. Boston, 1808. P. 31 (Letter V).
- ¹⁷ Southey's Common-Place Book. Fourth Series. Original Memoranda, Etc. Ed. by his son-in-law, John Wood Warter. L., 1850. P. 197.
- ¹⁸ Кристофер Смит, единственный английский исследователь творчества Саути, упомянувший «Надпись для памятника в Оулд Саруме», назвал стихотворение «натянутым и ксенофобским» (**Smith Christopher J. P.** A Quest for Home. Reading Robert Southey. Liverpool, 1997. P. 221).
- ¹⁹ В так называемом «Разговоре с англичанином» — фрагменте черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург» (1834) — собеседник рассказчика, некий британский путешественник, среди прочих отрицательных сторон английской социальной жизни упоминает о «продажных голосах» (**Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. Т. 7. С. 637), имея в виду, скорее всего, изъяны избирательной системы. Тем не менее интерпретация этого замечания Н. К. Козминым, утверждавшим, что «во времена торийского министерства и неререформированного, олигархически-торийского парламента вызывает открытое неодобрение Пушкина открытая продажа голосов в так называемых „гнилых местечках“...» (**Козмин Н. К.** Английский пролетариат в изображении Пушкина и его современников // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4–5. С. 286), представляется безосновательной, особенно если учесть, что «Разговор с англичанином» был написан после парламентской реформы.
- ²⁰ См. об этом: **Ерофеев Н. А.** Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М., 1982. С. 172–173.
- ²¹ Публикуя этот фрагмент черновика «Из Пиндемонта», Б. В. Томашевский не воспроизвел звездочки после «что» и «иль», а также небесспорно прочитал последний, оборванный стих: «Иль [кто] либо иной» (**Томашевский Б.** Из пушкинских рукописей. С. 314). Отметим, что в пушкинских текстах, учтенных «Словарем языка Пушкина», форма «кто-либо» не зарегистрирована.
- ²² Беловой автограф «Из Пиндемонта» имеет номер VI (предложение С. А. Фомичева читать помету не как «VI», а как «№ 1», на наш взгляд, не имеет под собой никаких оснований). Н. В. Измайлов, первым обративший внимание на нумерацию четырех стихотворений Пушкина, написанных летом 1836 г., и предположивший, что они, по замыслу Пушкина, должны были войти в так называемый каменноостровский цикл, положил начало традиции строить беспочвенные догадки относительно того, какие тексты должны были заполнить пустые места (I и V) в этом гипотетическом цикле. По его мнению, Пушкин оставил номер I для «Памятника», а номер V — для «Когда за городом, задумчив, я брожу», хотя оба стихотворения были написаны в августе 1836 г., и их беловые автографы никак не пронумерованы (**Измайлов Н. В.** Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. С. 29–39). Включение в цикл «Памятника» вызвало в свое время ряд серьезных возражений (см.: **Степанов Н. Л.** Лирика Пушкина. М., 1959. С. 32; **Алексеев М. П.** Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 121), тогда как идею Н. В. Измайлова о птомо месте «Когда за городом, задумчив, я брожу...» большинство исследователей приняло. Н. Н. Петрунина, правда, отвела пятое место четверостишью «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» (**Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М.** Над страницами

Пушкина. Л., 1974. С. 66–72), а Е. А. Тоддес, благоразумно отказавшись от обсуждения пропущенных номеров и употребляя термин «цикл» не «как описание авторского замысла, а как исследовательскую характеристику материала», отнес к той же группе тематически связанных текстов не только это четверостишие, но и близкого к нему по интонации и образному строку «Странника» (Тоддес Е. А. К вопросу о каменноостровском цикле // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 26–44).

Отнюдь не пытаюсь реконструировать замысел Пушкина, замечу все же, что отсутствие автографов с номерами I и V, на мой взгляд, может иметь только два логически допустимых объяснения: либо эти тексты до нас не дошли, либо к тому моменту, когда Пушкин ставил номера II и III на автографах, датированных 22 июня, и номера IV и VI на автографах, датированных 5 июля, он уже написал (хотя бы вчерне) те стихотворения, которым он намеревался присвоить пропущенные номера. Поскольку единственными общими признаками всех четырех известных нам стихотворений «цикла» являются метр, смежные рифмы и отсутствие деления на строфы, количество кандидатов на эти места весьма ограничено. Для номера I это «Французских рифмачей суровый судия...» (1833), «Пора, мой друг пора! покоя сердце просит...» (1834?), «Полководец» (1835) и «Странник» (1835); для номера V к ним добавляется «Напрасно я бегу к Сионским высотам...», написанное на черновике «Из Пиндемонти». Во всяком случае, замысел цикла александрийских стихов, как кажется, оказался эфемерным и к августу был Пушкиным отброшен, на что указывает отсутствие номера на автографе стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...», которое по формальным признакам могло бы войти в «каменноостровский цикл», а также план подборки из девяти стихотворений, составленный после 14 августа 1836 г., куда включены «Странник», «Отцы пустынноики и жены непорочны» и «Из Пиндемонти», но не «Подражание итальянскому» или «Мирская власть» (см.: Рукою Пушкина. Изд. 2-е / Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 17 (доп.). М., 1997. С. 222–223).

²³ Ср. схожую мысль: Тоддес Е. А. К вопросу о каменноостровском цикле. С. 33.

Тартуский университет
Кафедра русской литературы
Кафедра семиотики

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

3

О·Г·И
Москва 2004